

УДК 81.373

Л. Х. Давлетшина (Казань)

ЛЕКСЕМА *ЖЕН* В ГОВОРЕ ТАТАР НАГОРНОЙ СТОРОНЫ

В данной работе проанализирована мифологическая лексика татар нагорной стороны, связанная с наиболее активным персонажем нечистой силы *жен*, который может свободно замещать некоторые персонажи, принимая на себя его специфические функции. Автором представлены материалы к словарю мифологической лексики. В основу словаря положен лексический принцип с элементами идеографического: выделены пучки релевантных для персонажа признаков и функций.

Ключевые слова: этнолингвистика, словарь, персонаж, обряд, лексика.

Татарское население нагорной стороны (*Тау ягы*), на субэтническом уровне вошедшее в состав смешанной подобласти, на уровне этнографической группы оказалось в общем этнокультурном пространстве с татарами Предкамья. Тем не менее, следует подчеркнуть несколько обособленное положение рассматриваемого населения в культурном плане в рамках центрального района. По комплексу признаков Предкамско-Предволжский ареал образует единый этнокультурный район. Татарское население, имеющее культурные особенности, присущие этому району, может считаться отдельной этнографической группой. За ней целесообразно сохранить название центральной группы [Этнотерриториальные... 2002: 248].

Языковая и этнокультурная неоднородность центральной этнографической группы говорит о сложности ее этнических компонентов и древности ее формирования. Эта группа восходит, по меньшей мере, к периоду Казанского ханства. Некоторые из входящих в нее этнографических подгрупп отражают деление этого государства на «даруги», бывшие отдельными княжествами. Южная подгруппа входила в состав Ногайской даруги, восточная – Зюрейской. Приказанская подгруппа по одним элементам культуры «тянет» к западной подгруппе, по другим – к южной. Возможно, что та ее часть, которая локализуется западнее Казани, совместно с западной (нагорной) подгруппой относились к Галицкой даруге. Этнографы высказывают предположение о том, что такое «раздвоение» приказанской подгруппы связано с проникновением в ареал ее локализации этнических групп кыпчакско-ногайского происхождения, сосредоточенных на территории Ногайской даруги Казанского ханства [Этнотерриториальные... 2002: 248]. Таким образом, рассматриваемый нами ареал представляет собой обособленную подобность и по этнографическим и по языковым данным.

Важным источником для изучения истории, духовной и материальной культуры народа является лексический состав языка. Комплексное изучение этнокультурной лексики может существенно продвинуть нас в познании различных сторон общественной и социальной жизни человека. Она открывает перед исследователем широкую картину прошлого и настоящего, тем более, если речь идет о мифологической лексике языка. Данная тематическая группа является очень обширной. Под термином «мифологическая лексика» мы подразумеваем названия мифологических персонажей, предикаты, описывающие основные действия и состояния мифологических персонажей и людей, подпавших под их влияние, а также названия процессов и состояний, связанных с мифологическими представлениями.

Нам кажется чрезвычайно актуальным вопрос о разработке диалектологии мифологии, поставленный в рамках Московской этнолингвистической школы. «Разнообразие славянской (в нашем случае татарской) народной изустной традиции в сфере обрядов, поверий и обычаев, т. е. диалектность духовной культуры, делает ее незаменимым и почти единственным источником для истории мифологических воззрений и форм, для диахронических мифологических штудий, для определения динамики развития отдельных мифологических систем, для их этнического, территориального и хронологического приурочения в прошлом» [Толстой 1995: 28]. В рамках данных исследований создаются этнодиалектные, этнолингвистические словари, которые можно назвать памятниками духовной и материальной культуры. В них отражается огромный объем этнокультурной информации, говорящей о разных сторонах жизни диалектоносителей. К сожалению, говорить о создании подобного рода словарей в татарской фольклористике пока рано. Некоторые попытки предпри-

нимаются в трудах лингвистов [Баязитова 1997, 2001; Мухаметова 2006], но единого словаря, отражающего всю этнокультурную лексику татарского народа во взаимосвязи с диалектами и этнической культурой носителя языка, пока нет.

В данной работе мы попытались проанализировать мифологическую лексику татар нагорной стороны, связанную с наиболее активным персонажем нечистой силы *жѐн*, который может свободно замещать некоторые персонажи, принимая на себя его специфические функции. Здесь *жѐн* выступает в качестве обобщенной фигуры для всей нечистой силы и легко смешивается то с *Убыр*, то с ходячим покойником и др. Вместе с тем широкое распространение имеют былички о положительных *жѐн*, которые обучают людей религиозным знаниям. Наряду с функциями, свойственными для нечистой силы в целом, *жѐн* характеризуется набором собственных относительно устойчивых признаков. Одним из наиболее типичных можно считать мотив быличек, в которых нечистая сила накрывает столы на дороге для трапезы, а человек, наступивший на них, заболевает и может даже умереть. В татарскую мифологию данный персонаж проник вместе с принятием мусульманской религии и стал олицетворять нечистую силу в целом [Әхмәтжанов 2011: 24].

Жѐн (джинн) – персонаж мусульманской мифологии. В Аравии известны еще в доисламскую эпоху как неперсонифицированные божества, которых мекканцы считали родственными аллаху (Коран 37: 158) и ставили рядом с ним (Коран 6: 100). Джиннам приносили жертву, к ним обращались за помощью (Коран 72: 6). Согласно мусульманской традиции джинны созданы аллахом из бездымного огня и представляют собой воздушные или огненные тела, обладающие разумом. Они могут приобретать любую форму и выполнять любые приказания. Джинны связаны с Иблисом, некоторые из них уверовали в Мухаммада, поэтому джинны делятся на правозверных и неправозверных [Мифы 2003: 374].

Ниже представлены материалы к словарю мифологической лексики татар нагорной стороны. За основу взяты материалы, связанные с персонажем *жѐн*. В основу словаря положен лексический принцип с элементами идеографического: выделяются пучки релевантных для персонажа признаков и функций. Если имя персонажа, приводимое в качестве заглавного слова, участвует в образовании устойчивых фразеологических оборотов, эти сочетания приводятся ниже в словарной статье более мелким шрифтом. Заглавные слова даются в том виде, в котором они зафиксированы в записях, далее приводится перевод на русский язык или объяснение данного слова, а также варианты фольклорных текстов, записанных в традиции татар Нагорной стороны.

Жѐн – джинн (демонический персонаж, выступающий в качестве обобщенной фигуры для всей нечистой силы).

Элек күп булган эҗен ‘Раньше было много джиннов’ (Республика Татарстан, Апастовский район, д. Багишево).

Жен бар ул, бар, эҗенсез ни юк ‘Джинны есть они, есть, без джиннов ничего нет’ (Республика Татарстан, Апастовский район, д. Бакрче).

Ятам. Йемшек кенә нәрсә менә. Тотам, этеп эҗибәрә. Әни әйтә: «Нишлисең», – ди. Менә шулай дип әйттем. Жен ул дип, әнкәй уз янына чакырды ‘Лежу, мягкое что-то. Дотрагиваюсь, отталкивает. Мама говорит: «Что ты делаешь?» Ей сказала. Мама сказала, что это джинн и позвала к себе’ (Республика Татарстан, Апастовский район, д. Тявгельдино).

Безнең бер күрише әби барие монда килгәчтен. Кояш баегач суыңы түкмә диде. Кыйблага каршы карап атма суны. Әгузе бисмиллаңы әйтеп ат, диде. Бисмилласыз аткан су диде, ишишага эҗеннәр килеп тутырыр икән, үлгән чагында шул суны сиңа күрсәтер икән дип әйтәләр ие инде ‘У нас была бабушка-соседка. Она говорила, что нельзя выливать воду после заката солнца. Не выливай ее, в сторону киблы. Когда выливаешь, нужно произносить «Әгузе бисмилла». Воду, вылитую без бисмиллы, соберут джинны, наполнят ею бутылку и дадут выпить после твоей смерти’ (Республика Татарстан, Апастовский район, д. Деушево).

Жен богаулану – наложить путы на джиннов.

Хәзер бозауландылар эҗеннәр уразада... Богаулана Уразада, анда гыйлем эҗеннәре генә кала ‘Во время уразы на джиннов накладываются путы. Остаются только мудрые джинны’ (Республика Татарстан, Апастовский район, д. Тявгельдино).

Гыйлем эҗеннәр – мудрые джинны (доброжелательные персонажи нечистой силы) / **Мөселман эҗеннәр** – праведные джинны.

Ул шәйтани эҗеннәр бар, гыйлем эҗеннәре бар. Кайбер ишесе бик каты белгәчтен, моны гыйлем эҗеннәре өйрәткән дип әйтәләр ие әбиләр безнең. Менә догаларны бик белә, бик каты дин буенча белә инде. Аны төннә гыйлем эҗеннәре эртә дип әйтәләр ие әбиләр... Алары яхшыдыр, күрәсең, яхшыдыр ‘Есть плохие джинны, а есть мудрые джинны. Если некоторые (люди) много знали, бабушка говорила, что их обучали мудрые джинны. Молитвы вот знает, по религии много знает. Говорят, что их ночью обучают мудрые джинны. Они хорошие, видимо, хорошие’ (Республика Татарстан, Апастовский район, д. Черемшан).

Шәйтани эҗеннәр – джинны-шайтаны (вредоносные персонажи нечистой силы) / **Начар эҗеннәр** – плохие джинны.

Шәйтани эҗеннәр захмәтләр, ниләр эшли инде сиңа, начарлыклар эшли. Элек бит мунчаны иртә белән эҗагалар ие. Менә Югары Балтайда эҗен тыккан икән башын дип (әйтәләр ие), аның чәчләре дә югие, битләре дә әллә ниндие. Мунча эҗагарга баргач, башын тыгып куйган икән мунчага дип ишеткәнем бар. Утка тыккан икән ди-ди. Ничек үлмәгәндер. Чәче дә эҗугие, бите дә бик ни ие. Хатын-кыз. Менә шуңа күрә тамак кырып керергә

кушканнар инде ‘Джинны-шайтаны вредят тебе. Раньше баню рано топили. В В. Балтае говорили, что джинн засунул человека головой в печь. У него и волос не было, и лицо какое-то было. Когда пошел баню топить засунули его. В огонь засунули. Как он не умер. И волос не было, и лица. Женщина. Поэтому и говорят, что нужно оповестить о том, что идешь’ (Республика Татарстан, Апастовский район, д. Бакрче).

Жен табыны – стол, накрытый джиннами (участок дороги, грязное место, заброшенные дома при переходе через которые человека заболевает).

Жен табыннары була инде ул. Әшәкә төшмә була ул. Тизәкле, ниле. Берәү борчак чабырга барган. Бу шул төшмә җатып йоклаган. Арбага тияп апкайттылар аны. Шунуң белән үлдә дә ул. Без табын ничек корбабыз, алар шулай кора икән. Ашан-эчеп утыра икән алар. Минем үземә дә очрады ул җен табыны. Кыз чагында. Апалар безнең кич утыра. Ана әйтә бар әле гармунны аптөш әле ди. Кайтам, койма буена ак таш үгән ие әле. Шул төшкә җиттем, бөтен урам түлдү халык белән. Жен табыны шул булган. Бөтенесе кеше менә. Әнкәй чыкты да, ишилсең дип кычкырып җибәрде. Урамда бер кеше калмады. Әнкәй әйтә: «Ишиләп сикереп торасың анда». Әнкәй эндәшмәгән булса, нәрсә дә булса булган булыр иде» ‘Бывают столы, накрытые джиннами. Они бывают в плохих местах. В грязных. Кто-то пошел косить горох. Лег там и уснул. В телеге его привезли. Так и умер он. Как мы накрываем на стол, так же и они накрывают. Едят и пьют оказывается. И я наткнулась на такое место. Когда девочкой была. Сестры наши вечером выходят гулять. Сестра мне сказала принести гармонь. Иду домой, около нашего забора белый камень был. Дошла до этого места, вся улица наполнилась людьми. Все люди. Мама вышла и закричала: «Что ты делаешь?» Никого не осталось на улице. Мама говорит: «Почему ты прыгаешь? Если бы мама не позвала меня, что-нибудь случилось бы»’ (Республика Татарстан, Апастовский район, д. Бакрче).

Жен табынына очрау – встретить стол, накрытый джиннами.

Шуны ишеткәнем бар. Женнәр табынына очрадым. Кулдукуллар таккан, атлар җиккән, артымнан куаладылар дигәнне ишеткәнем бар ‘Слышала кое-что. Повстречался стол, накрытый джиннами. С колоколами, с запряженными лошадьми за мной гнались говорят’ (Республика Татарстан, Апастовский район, д. В. Балтаево).

Жен табынына басу – наступить на стол, накрытый джиннами.

Менә безнең авылда бер әби барие. Тормый торган нигез аркылы чыккан. Менә шул кояш баегач, тормый торган нигезләрдән чыгарга ярамый дип, силәшәләр иде әниләр. Ул телсез калды, түлке бүтән сүзне әйтми. «Әй, алла», аның бар сүзе. Менә аңа син сүз яшәсең, ул сиңа «Әй, алла», дип җавап бирә. Менә шул җен табынына баскан дип әйтәләр ие ‘У нас в деревне жила бабушка. Она прошла через заброшенный дом. Родители говорили, что после захода солнца нельзя ходить в местах, где никто не жи-

вет. Она потеряла дар речи. Говорит только: «О, боже». Ты ей что-нибудь говоришь, а она тебе отвечает «О, боже». Говорили, что она наступила на стол, накрытый джиннами’ (Республика Татарстан, Апастовский район, д. Багишево).

Жен жулы – тропинка джиннов (тропинка для нечистой силы).

«Тәрәзә төбә – жән жулы», – диләр ‘Говорят, что подоконник – это дорога джиннов’ (Республика Татарстан, Апастовский район, д. Бакрче).

Тәрәзә төбәгә ризык куймагыз, жән жәри торган урын ‘На подоконник ничего не ставьте, место, где ходят джинны’ (Республика Татарстан, Апастовский район, д. В. Балтаево).

Альштыру – подменить (подмена ребенка ребенком нечистой силы).

Бер хатын бар ие. Аның малае булган. Шулай бишеккә салган инде. Аның малаен жән алыштырган. Бишеккә салган, малай үзенеке түгел. Шулай малайны күтәреп алган да, күтенә суга-суга ишек бусагасына илтәп куйган. Син үзеңнекен үзең аңкит, минем үземнекен үзең китер дип әйткән. Китереп куйды ди. Жән иләмсез ди. Зәгыйфь була алар. Озак яшәми алар. Аның жәңанына пычак я качы куялар малай башына. Килми инде аннан соң ‘Жила одна женщина. У нее был ребенок. Положила она его в люльку. Ее ребенка подменил джинн. Смотрит, ребенок не ее. Подняла она его и, стучая по мягкому месту, отнесла на порог. Сказала: «Ты унеси своего, мне принеси моего». Принес, говорит. Дитя джинна бывает некрасивым. Они долго не живут. Рядом с ребенком надо положить нож или ножницы. Не приходит потом’ (Республика Татарстан, Апастовский район, д. Бакрче).

Иләшү – повадиться (о приходе нечистой силы к одинокой женщине).

Жән иләшкән булган икән бу хатынга. Ул табагачка атланып, сүгенеп куйы чыгара икән аны ишектән. Өендә атланып-атланып, сикреп-сикреп йөри икән дә, ишек төбәгә сөяп куеп, «Барыгыз чыгып китегез, күземә күренмәгез», дип сөяп куя икән ди ‘Джинн повадился ходить к этой женщине. Она его прогоняла, сев на ухват и бранясь. Садится на ухват и прыгает по дому, затем прислоняет его к двери и говорит: «Идите, уходите, не показывайтесь мне на глаза»’ (Республика Татарстан, Апастовский район, д. Черемшан).

Кайсы кеше ирсез кала бит инде яшьли. Ирсез кала, аңарга иләшә диләр. Менә бездә бар ул арҗақта бер хатын. Менә аңарга иләшкән диде жән. Бүтән кешенең малае булып килә ди жәңанына. Ясин чыгасы ди аңа. Аңар жәдиде кеше алып килеп укыталар ди инде жәртта. Жәдиде көнгә хәтле укыйлар инде алар. Кайсы инде чатлыкка мылтыктан атарга кирәк дип тә әйтәләр. Күарга ди, ди. Ир кеше ата инде, ир кеше. Бар инде ул иләшкән кешеләр. Зәгыйфь калучылар да бар иләшкән нигә ‘Некоторые смолоду остаются вдовами. Без мужа живут, к ним приходят, говорят. У нас тоже была такая женщина. Вот к ней повадился ходить джинн. Приходит в образе ребенка другой женщины. Надо прочитать суру Ясин. Семь человек

собираются в доме и читают. До семи дней они читают. Некоторые говорят, что нужно стрелять по углам из ружья. Чтобы прогнать. Мужчина стреляет, мужчина. Бывают такие люди, к которым повадился джинн. Больными остаются некоторые' (Республика Татарстан, Апастовский район, д. Тявгельдино).

Сыптыру – погладить (нечистая сила забирает ребенка из чрева матери, погладив живот).

Ана карынында чагында әйтәләр аны. Менә шулай бер сыптырса, бала төшә ди, ди. Эчтән эҗен бер генә сыптыра ди ул. Аска таба сыптырып бала төшә ди 'Об этом говорят, когда ребенок в чреве матери. Вот так гладит и случается выкидыш. Джинн гладит живот. Гладит и случается выкидыш' (Республика Татарстан, Апастовский район, д. Черемшан).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Баязитова Ф. С. Керәшәннәр. Тел үзенчәлекләре һәм йола иҗаты. – Казан, 1997. – 248 б.

Баязитова Ф. С. Себер татарлары. Рухи мирас: гаилә-көн күреш һәм йола терминологиясе, фольклор. – Казан, 2001. – 309 б.

Әхмәтҗанов М. Татар археографиясе. Соңгы елларда археографик экспедицияләр вакытында тулланган кулъязмаларның тасвирламалары. Сигезенче кискәк. – Казан, 2011. – 287 б.

Мифы 2003 – Мифы народов мира: Энциклопедия. В 2 т. / Под ред. С. А. Токарева. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2003. – Т. 1. – 671 с.

Мухаметова Г. Ф. Актуальные проблемы этнолингвистического изучения говоров региона Восточного Закамья Татарстана // Тюркологический сборник: материалы Всероссийской тюркологической конференции «Языки и литература тюркских народов: История и современность». – Елабуга: Изд-во ЕГПУ, 2006. – Вып 3. – С. 374–376.

Толстой Н. И. Этнолингвистика в кругу гуманитарных дисциплин // Толстой Н. И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. – М., 1995. – С. 27–40.

Этнотерриториальные... 2002 – Этнотерриториальные группы татар Поволжья и Урала и вопросы их формирования. Историко-этнографический атлас татарского народа. – Казань, 2002. – 248 с.

L. N. Davletshina

The Lexeme *zhen* in the Dialect of the Tartars of the Nagornaya Storona

In this work the mythological lexicon of the Tatars of the Nagornaya storona (literally 'Highland side') connected with the most active character of evil spirit *zhen*, who can freely replace some characters assuming their specific functions is analysed. The author presents materials for the dictionary of mythological lexicon. The dictionary is based on the lexical principle with the ideographic elements: bunches of relevant to the character traits and functions are emphasized.

Keywords: ethnolinguistics, dictionary, character, rite, lexicon.